

The background of the cover is a detailed illustration of a man with brown, wavy hair and a mustache, wearing a dark brown leather jacket over a white shirt and a red cravat. He is looking off to the side with a serious expression. Behind him is a Russian cityscape featuring several churches with golden onion domes and a tall, ornate stone bell tower. The sky is blue with scattered white clouds.

Егор Калинин

Архивариус. Наследство русского Моргана

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Егор Калинин

**Архивариус. Наследство
русского Моргана**

«Автор»

2026

Калинин Е.

Архивариус. Наследство русского Моргана / Е. Калинин —
«Автор», 2026

К архивариусу Олышанскому приходит молодой человек и приносит документы подтверждающие, что он, Алексей Васин, единственный наследник погибшего в 1918 году, крупного промышленника Николая Второва, капитал которого был размещен в банке Англии. Олышанский и Васин пытаются выяснить судьбы всех наследников Второва и заявить права на наследство.

© Калинин Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Егор Калинин

Архивариус. Наследство русского Моргана

Глава

К архивариусу Ольшанскому приходит молодой человек и приносит документы подтверждающие, что он, Алексей Васин, единственный наследник погибшего в 1918 году, крупного промышленника Николая Второва, капитал которого был размещен в банке Англии. Ольшанский и Васин пытаются выяснить судьбы всех наследников Второва и заявить права на наследство.

.... Слышалось заунывное пение муэдзина на минарете расположенной рядом мечети.

- Да заткните уже глотку этому красному. Мало что поп басурманский воеет, так еще и этот матерно ругается. Слышать не можно. - раздалось из толпы стоявших казаков.

Вахмистр встал, глубоко вздохнул, оправил ремень с пристегнутой к нему шашкой.

- А ну, Степка, держи ему ноги. - кивнув на комиссара сказал он молодому казаку.

Прижав комиссара к земле коленом, засунул ему в рот рукоятку нагайки, так чтобы челюсти не сомкнулись и вытащив из-за голенища сапога остро заточенный нож, крутанул им в рот комиссара и через секунду на землю полетел отрезанный язык.

- Теперь поагитировай антихрист. - пробормотал вахмистр.

Гомонившие казаки притихли.

- Ну ты, Антип, скор на расправу, - сказал кто-то из казаков.

- Все одно их в расход. - произнес вахмистр...

Васин знакомиться в Москве с племянницей мэра и участвует в розыске ценностей и артефактов времен Ивана Грозного, а Ольшанский находит в архиве доказательства их существования.

... Сначала все стояли тихо, потом раздался гул голосов, который постепенно стал нарастать, пока не раздался пронзительный крик:

— Это Глинские виновны! Они наволховали!

И чуть позже, с другой стороны, раздался крик:

- Я видел, видел! Православные, видел я!

Со всех сторон загалдели:

- Пущай говорит! Дайте молвить!

Небольшой мужичонка из черного люда, сняв шапку и размахивая ей кричал.

- Анна! Анна Глинская оборотилась вороной. Летала над градом и поджигала крыши...

... Оказавшийся в «пытошной башне» Елизар понял, ходу отсюда ему нет. Неважно в чем он сознается, в краже или в колдовстве. Итог будет один.

Он стоял перед «заплечных дел мастером», здоровым мужиком в кожаном фартуке, одетым на голое тело. В углу за столом сидел дьяк с пером.

- Ну что, раб божий обшит кожей, молчать будешь? Ну молчи. Все одно ей миленькой все поведаешь. - он любовно постучал по бревну дыбы. - а нет, так я тебя, вон туда на исповедь отведу - он кивнул в угол. У Елизара похолодело все нутро. Там на свисающей цепи, оканчивающейся крюком, висел подвешенный за ребро человек, не подававший уже признаков жизни.

- Ни одному попу не скажешь того, в чем здесь признаешься. - закончил он...

Во время оформления в Лондоне документов на подтверждение прав на наследство, глава фонда «Второв и сыновья» Ален Тэйлор, организует нападение на Васина, а затем и покушение на него. МИ-6, заинтересованное в сохранении прав на деньги фонда за его главой, организует арест и давление на Ольшанского.

Архивариус: наследство русского Моргана

Неожиданный гость

Казимир Владимирович Ольшанский проснулся за минуту до сигнала будильника.

Отключив будильник, стряхнув с себя остатки неприятного сна, прошел в ванную.

Посмотрев на свое отражение в зеркале, попытался вспомнить сон. Снилось большое количество пачек долларов, испачканных в крови. Не к добру. -надо быть поаккуратнее с клиентами- подумалось ему.

Выйдя из подъезда своего дома, где прошла вся его жизнь, он направился по своему каждодневному, пешему маршруту. От Никольской, мимо памятника маршалу Жукову, по Моховой к месту своей, ставшей уже частью его жизни, работы. Библиотека имени Ленина, где он трудился в должности главного архивариуса.

Перед дверью своего кабинета он обнаружил очередного клиента.

После распада Советского Союза и открытия границ для свободного перемещения бывших совграждан у Казимира Владимировича прибавилось работы по своему профилю. Поиск родственников за границей, подтверждение прав собственности на недвижимость и масса других документов, требующих кропотливой работы с архивами как с российскими, так и с зарубежными.

За время работы у Ольшанского, благодаря многолетним связям своего учителя и друга, профессора Егора Петровича Яворского, сложились хорошие отношения со многими зарубежными коллегами. Профессор любил повторять что в сообществе архивариусов, также как и в разведке, несмотря на взаимоотношения между странами, в тот или иной период истории, всегда находились люди готовые помочь коллегам как с той, так и с другой стороны.

Ольшанский пригласил посетителя в кабинет и усаживаясь за стол, мельком кинул взгляд на клиента. Молодой человек около 30-ти, дорогой костюм с галстуком повязанным узлом Шелби, спокойный, решительный взгляд серых глаз.

- Алексей Иванович Васин – протянул он визитку Ольшанскому.

Казимир прочитал: руководитель каких- то там финансовых инновационных групп или что вроде того. Казимир не разбирался в этих многочисленных современных названиях.

- Казимир Владимирович, я обратился к вам по рекомендации одной моей хорошей знакомой, которой вы помогли. – и он назвал фамилию одной недавней клиентки Казимира. – Да, сарафанное радио хорошо работает- подумал Ольшанский.

Васин протянул Казимиру пачку документов. Речь шла о легендарном наследстве Николая Второва. «Русский Морган» так его называли на западе.(Морган-архитектор американской финансовой системы конца 19 начала 20 века, один из богатейших и влиятельнейших предпринимателей США) Был хладнокровно застрелен в собственной цитадели «Деловом Центре» неподалеку от Кремля в мае 1918 года. Семья бесследно исчезла в кровавой карусели первых лет революции. В Великобритании, где были размещены основные активы Второва, так и не нашли наследников состояния, и управление активами компании «Второв и сыновья» перешли до обнаружения наследников к давнему партнеру Второва.

Судя по документам и метрикам, которые оказались в руках Ольшанского, перед ним сидел прямой и единственный потомок Второва.

Ольшанский боясь поверить, что именно ему посчастливилось прикоснуться к этому делу, о котором еще в институте он читал в архивных документах произнес: - Дайте мне неделю для первичного ознакомления и я дам вам ответ готов ли я заняться этим.

Казимир

Детство Казимира прошло в Москве на Никольской улице. Жили они в большой пятикомнатной квартире, которую получил его отец, замминистра тяжелой промышленности. Мать – Таисия Николаевна, в прошлом искусствовед, ныне обычная домохозяйка. Казимир был поздним, единственным и любимым ребенком. Отец много времени проводил на службе. Мать все те знания, которыми обладала она, пыталась вложить в сына. Часто гуляя с матерью по Никольской, он любовался старинным зданием историко-архивного института казавшемся ему замком из сказки. И после окончания школы он, как ему казалось вполне естественно, подал документы именно туда и с легкостью поступил.

Студенческая жизнь не понравилась Казимиру. На частых гулянках, с большим количеством дешевого портвейна, он чувствовал себя неуютно. Нежный желудок Казимира, привыкший к домашнему питанию, абсолютно не принимал того пойла, которое в огромном количестве поглощали его сокурсники.

Учеба давалась ему легко. С детства у него была феноменальная память. Раз услышав или прочитав информацию он навсегда запоминал ее. Конспекты ему были не нужны, но, чтобы избежать косых взглядов преподавателей, он делал вид, что тщательно конспектирует материал.

Сдавая первую сессию, он полностью расположил к себе преподавателей, отвечая именно теми словами и даже с той интонацией и акцентами, с которой давался материал, тем или иным преподавателем. Исключение составил только завкафедрой профессор Егор Петрович Яворский. Принимая экзамен, он внимательно посмотрел на Казимира. – Вы, молодой человек, явно не без способностей, но, если вы хотите стать действительно хорошим специалистом, необходимо изучать материал не только в рамках программы. Если есть желание, можете найти меня на кафедре.

С этого момента началась многолетняя дружба Казимира и профессора. Яворский, обладая поистине энциклопедическими знаниями, взял под опеку Казимира и к концу выпускного курса студент Ольшанский намного превосходил знаниями предмета всех своих сокурсников.

Перед выпускными госэкзаменами Яворскому пришел запрос на замещение вакантной должности младшего архивариуса в Московской библиотеке имени Ленина, и Яворский без колебаний порекомендовал Казимира Владимировича Ольшанского. Таким образом, жизнь Казимира стала надолго связана с одной из крупнейших в мире архивной службой.

Марьяна

Природа наградила Марьяну щедро, и Марьяна умела пользоваться своей яркой внешностью. Сначала это были одноклассники. Мальчики носили ее портфель, а девочки старались с ней подружиться. Потом учителя, которые смотря в огромные, наивные глаза Марьяны выводили в классном журнале отличные оценки.

В Москву Марьяна приехала из областного центра, расположенного за много километров от столицы. Жизнь в общаге, где обитала Марьяна, была, мягко говоря, небогатая, а порой и голодная. Марьяне же хотелось взять от столичной жизни все, и самое лучшее. И она с присущей ей находчивостью, выбрала самый легкий, как ей казалось, вариант. Они с ее подругой Наташкой ехали на «съем» в облюбованный ими ресторан «Бригантина», предварительно нанеся «боевую раскраску»- очень вызывающий макияж и надев короткие до невозможности мини юбки. Покупали самый дешевый коктейль и ждали. К десяти вечера, разгоряченные спиртным посетители мужского пола начинали бросать недвусмысленные взгляды на двух одиноко сидящих девушек, а затем и подсаживаться к ним за столик. Двум «съемщицам» оста-

валось только выбрать наиболее состоятельного кавалера и дав ему проявить свою щедрость, поужинав за его счет, уехать с ним на «хату». При удачном стечении обстоятельств, девушки как минимум на неделю, обеспечивали себя безбедным проживанием в общежитии. В «Бригантине» Марьяна и познакомилась с Ахметом, торговцем на рынке. Жила она теперь с Ахметом в съемной квартире, и привозил ее Ахмет в институт на девятке цвета «мокрый асфальт». Чем торговал ее новый ухажер она не вникала, но судя по тем деньгам, которые у него водились, это была явно не морковка.

Время шло, впереди был выпускной курс, и, если Марьяна не хотела оказаться по распределению в каком-нибудь далеком городке нашей необъятной Родины в должности библиотекаря, нужно было что-то решать с московской пропиской. Ахмет в этом деле был ей не помощник. И Марьяна стала просчитывать варианты. Вариантов было не так чтобы много, но один заинтересовал больше всего. На одной из вечеринок, непонятно уже по какому поводу, она обратила внимание на скромного, симпатичного парня, который больше слушал чем говорил и абсолютно не пил спиртного. Она знала, что парень москвич, что живет он в квартире на Никольской и судя по прикиду, был из обеспеченной семьи. Правда имя у него было несколько странное Казимир. Цель была определена и дело было за малым, охмурить ботаника. И Марьяна немедленно приступила к действиям.

Проснулись они, как и планировала Марьяна, в одной постели в ее комнате, откуда она предусмотрительно выгнала свою подругу Наташку. Казимир, после стакана портвейна «поплыл» и Марьяне не составило труда уложить его к себе в постель. Ну а на утро ею была талантливо разыграна сцена «лишенная невинности». Клиент был готов. Свадьба состоялась аккуратно перед госэкзаменами и Марьяна, получив московскую прописку осталась в столице.

Отец

Проход Золотов родился в забайкальской деревне. Отец его, Авдей Золотов был крепким хозяином, имеющим мельницу, большое поголовье домашнего скота и многих работающих на него односельчан. Жену свою, Параскеву он потерял родами, но мальчик – крепыш выжил и был вскормлен дородной бабой, работавшей у отца и кормившей грудью своего сына. Молока было в избытке и Проходу недостатка не было.

В шестнадцать лет Проход уже был во всем помощником отца, и со временем должен был унаследовать все более разрастающееся хозяйство. Так бы оно и было, если бы он не познакомился со ссыльным горным инженером. Авдей Золотов узнал об этом от полицейского урядника, прибывшего в деревню из уезда за надзором над «политическим».

Выбивал Авдей дурь из сына долго, поломав почти все лавки, стоявшие вдоль стен, да так что Проход неделю отлеживался на сеновале.

Осенью отец привел в дом молодую жену. И была она старше Прохода всего на четыре года.

Всю зиму Проход с отцом пропадали на лесной делянке. Валили лес для дома. Приходя домой, Проход всегда ощущал на себе пристальный взгляд Варвары – молодой отцовой жены. И однажды, когда отец повез в город муку, она прижала его большой, упругой грудью к стене. И уже потом, выбравшись из-под ее жаркого и плотного тела, он понял, что эта молодая кобыла теперь не даст ему прохода. И когда отец узнает об этом, это вопрос времени. И тогда он Прохода точно пришибет.

Побросав в мешок смену белья, краюху хлеба и шмат сала, Проход побежал знакомой тропинкой к ссыльному. Тот, выслушав Прохода, черкнул ему адрес в Москве. Больше они не виделись.

В Москве Проход оказался в октябре 1917года и отправившись напрямик к руководителю фабрично-заводского комитета, полностью окупился в революционные события.

Позже, при формировании новых органов власти молодой советской республики, в комитете ВКПб (Всероссийской Коммунистической партии большевиков) комиссар в кожанке и пенсне, услышав фамилию Прохора сказал: - Какая-то непролетарская фамилия. Не хочешь поменять?

Прохор кинул взгляд на плакат с членом ЦК Ольшанским и ответил: - Буду Ольшанский-
- А имя? – Как Ленина, Владимир. – И стал Прохор - Владимиром Ольшанским.

Дальше была работа на заводе, рабфак, назначение главным инженером.

В 1929 году Ольшанский был направлен на строительство легендарной Магнитки. Там он встретил свою будущую жену Тосю. Уже после войны, с должности директора Магнитогорского металлургического комбината его перевели в Москву.

Казимир

Жизнь Казимира в начале 90-х, также как и страна расплзалась в разные стороны.

Отец умер. Сердце старого большевика не выдержало всего того, что творили со страной тогдашние руководители. Мать слегла и уже не вставала. Ухаживала за ней, ее старинная подруга и соседка Дарья Матвеевна, или как ее называли, тетя Даша. Она проводила с матерью все свободное время. Те деньги, которые в качестве зарплаты получал Казимир у себя в архиве, хватало только на молоко и хлеб. Все накопления отца, после павловской реформы в апреле 1991 года, превратились в гроши. После безобразной сцены, которую ему устроила Марьяна, из-за того, что он не мог ее обеспечивать как раньше, когда еще был жив отец, они почти не разговаривали. Из отцовского кабинета куда он, переселился из спальни, он слышал, как после двенадцати она приходила домой. Где она бывала и на что покупала свои наряды, он не знал.

Однажды возвращаясь с работы, он увидел поджидающую его Марьяну. Она была не одна.

Рядом с ней, облокотившись на большой, черный джип, стоял типичный представитель криминала.

- Казимир, нам нужно развестись – проговорила Марьяна

- Я выхожу замуж за Рената – она посмотрела на своего спутника.

Казимир пожал плечами.

- И наверное, тебе лучше уехать жить с мамой на дачу – продолжала она.

- Не могу же я остаться на улице.

Казимир от удивления не мог вымолвить ни слова. Он перевел взгляд на ее будущего мужа. Ренат, исподлбья прищуриваясь злобно ухмылялся.

- Да – подумал Казимир – видимо этот орангутанг других вариантов не рассматривает.

- Я думаю за месяц мы все формальности решим – проговорила Марьяна.

- А переезжать можешь уже сейчас. Нам же надо еще евроремонт сделать, а то уж очень у вас все старое – сказала она и запрыгнула в машину. И только после того, как машина уехала Казимир осознал весь ужас положения.

Он без промедления кинулся к своему однокласснику, который после школы милиции устроился в их местное ОВД опером.

Одноклассник, выслушав его и поинтересовавшись именем и внешностью «проблемы» произнес:

— Это Гиббон. Это он этот район держит.

- Может заявление написать? - спросил Казимир.

Опер отрицательно покачал головой.

- У него наш начальник на «зарплате». Так что сам понимаешь я сделать ничего не могу.

- Как такое возможно? – пробормотал Казимир.

- Сейчас и не такое возможно – сказал опер.

- Мой тебе совет. Постарайся решить все с твоей бывшей. Хотя если так вопрос встал, то скорее всего это Гиббон хочет у тебя квартиру отжать. А он может тебя и на кладбище переселить, а Марьяне твоей квартира по наследству достанется.

Казимир плелся из отделения милиции домой как в тумане. Придя домой, рухнул на свой диван и заснул.

Когда Казимиру было пять лет его бабушка Ольга Филимоновна к которой его часто привозили на лето и на все праздники сказала рано с утра:

- Козик просыпайся пойдем в «церкву».

Бабушка в войну вырастила и подняла семь детей пока ее муж был на фронте за что и была награждена медалью мать-героиня. Имея образование три класса и с ошибками пишущая, она обладала особой жизненной мудростью присущей людям, прожившим нелегкую жизнь. Часто ее дети, уже ставшие к тому времени директорами крупных заводов, главными инженерами просили ее совета.

Путь от дома к храму занимал не более десяти минут, но бабушка с ее больными ногами шла не менее часа. В храме она подвела Казимира к батюшке на исповедь. Он, выслушав все что сказал Казимир, накрыл его голову епитрахилью и прочитав разрешительную молитву подвел его к чаше для причащения.

Под перезвон колоколов выйдя из храма, Казимир посмотрел вверх на чистое, голубое небо с проплывающими на нем маленькими облачками. На душе было удивительно спокойно и радостно.

Много позже, когда Казимир ходил в храм, он, приходя после службы, прислушиваясь к себе пытался поймать то детское состояние тихой радости, но увы, то ли заботы века сего, то ли осознание всей сложности бытия не давали ему почувствовать то детское, наивное состояние.

Он не мог похвастаться, что часто посещал церковные службы, но в те моменты, когда он не знал какое решение нужно принять, или в тяжелые моменты жизни, также как в детстве ноги сами несли в церковь. Так было и сейчас. Казимир ничего не просил у Бога. Он просто стоял и повторял слова, которые за алтарем произносил батюшка.

«... не заботьтесь и не говорите: что нам есть? Или что пить? Или во что одеться? Потому что всего этого ищут язычники, и потому то Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды его, и это все приложится вам. Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы.» Евангелие от Матфея. Глава 6.

Перевернутая страница

На следующий день сидя у себя в архиве, Казимир разбирал привезенные с Валаама «Житие Савватия Соловецкого». В такие моменты он, погрузившись в летописи не замечал, и не слышал ничего вокруг. Он очнулся, когда кто-то тряс его за плечо. Повернувшись, он увидел Наташку, подругу Марьяны. Наташка была вся заплаканная, тушь текла по щекам.

- Я как узнала, то сразу к тебе, а еще пускать не хотели, а я как сказала, так они сразу, а я, я не знаю, что делать. – затараторила она.

- Наташа, что случилось?

- Ты не знаешь? – Она в ужасе округлила глаза.

- Не знаешь. – поняла она и схватив за руку Казимира, потащила его в холл, где стоял телевизор.

- Сегодня весь день показывают. – тараторила она.

На экране показывали обгоревшую, искореженную машину, а на асфальте лежали, видимо выкинутые при взрыве барсетка, разбитые солнцезащитные очки и ... дамская сумочка. Он узнал эту сумочку. Марьяна несколько месяцев назад купила ее и с тех пор никогда с ней не расставалась таская ее повсюду.

А потом показали фотографии Гиббона, его охранника и фото Марьяны. Ошибки быть не могло. Сюжет новостей уже закончился, а Казимир все еще смотрел на экран не в силах отвести взгляда. У него было состояние какого-то отупения. Он все еще не мог уложить происшедшее у себя в голове.

От тел мало что осталось и поэтому решили хоронить в одной могиле. Похороны взяли на себя партнеры Гиббона по криминальному бизнесу. На поминки Казимир с Наташкой не поехали. Устроившись на лавочке около могилы, Наташка, успев где-то изрядно накачаться, изливала душу Казимиру:

- А ведь я должна была здесь лежать – говорила она заплетающимся языком.

— Это Марьянка у меня Ренатика увела.

- У каждого своя судьба – проговорил Казимир. На душе было погано. Он ощущал свою вину от недавних своих мыслей. Он хотел, чтобы Марьяна просто исчезла из его жизни и больше никогда в ней не появлялась.

Выйдя с территории кладбища он направился к телефону-автомату и набрал номер Яворского. Егор Петрович Яворский большую часть года проводил на даче в Переделкино. Да и дачей это нельзя было назвать. Это был хороший, большой, загородный дом. Он сбегал из московской квартиры в Переделкино от семьи и многочисленных родственников, которым всегда что-то было нужно от него. Все знали, что на даче его беспокоить нельзя. Яворский сидел у горящего камина с бокалом пятнадцатилетнего Torres и сигарой. За те пять лет, что они не виделись он не изменился абсолютно. Было ощущение, что его не изменили ни катастрофа происшедшая со страной, ни время.

Он налил Казимиру в красивый, изящный стакан бренди.

- Сначала выпей.

-Я ждал тебя. Слышал все, что произошло с тобой.

Казимир глотнул бренди и из него хлынул поток слов. Он рассказал все. Как жил все это время, свои переживания, мысли, даже то, в чем сам себе не мог признаться.

То ли от спиртного, то ли оттого, что он наконец смог выговориться, Казимир почувствовал облегчение.

- Ты, конечно, винишь себя? – Яворский взглянул ему в глаза. – Все в руках божьих.

Казимир удивленно поднял брови.

- Вы же атеист.

Яворский улыбнулся.

— Это неправильное определение. Да, я не верю, что на облаках сидит седой, мудрый старец и грозит пальцем грешникам. Но я, также допускаю, что существует определенная сущность. Назовем ее, сущность предельной сложности, которая управляет вселенной.

Человечество, в силу своей ограниченности, отсутствия знаний и невозможности понять всех законов мироздания, не может осознать например, что смерти не существует, а существует просто переход в другую форму жизни.

Твоя бывшая жена, просто завершила свой жизненный цикл с лимитом того плохого или хорошего, это не нам судить, и это все.

В авраамических текстах упоминается ангел Азраил. Это ангел смерти. Господь оповещает его об окончании срока жизни человека и Азраил является умирающему. В зависимости от того, кто лежит перед ним праведник или грешник, он предстает или красивым юношей, или ужасным и уродливым чудовищем. Капает каплей желчи умирающему в рот и прекращает его земные страдания.

Я часто думаю, в каком обличье он предстанет передо мною. А тебе, друг мой, надо жить дальше и развиваться. Обидно будет, если ты с твоими дарованиями останешься обычным архивариусом.

А с твоим материальным благополучием мы поступим так. Дадим страждущему не рыбу, а удочку, чтобы эту рыбу поймать. Я буду направлять к тебе людей, которым надо помочь. Как раз по твоему профилю.

Люди небедные, так что за свою работу ты будешь получать вознаграждение, размеры которого будешь определять сам. Таким образом, ты сможешь спокойно заниматься научной работой, не отвлекаясь на такую мелочь как деньги. А с твоими знаниями и доступом к архивным материалам, это не составит тебе труда.

Прощаясь, Яворский сказал: - Переверни эту страницу, надо жить дальше.

Жизнь налаживается

Через неделю после встречи с Яворским к Казимиру Ольшанскому стали приходить посетители. Интересовались многим. Подтверждение родственных связей с членами семей, проживающих за границей, подтверждение прав собственности, и как стало модным в последнее время, составление генеалогического древа. Так что Ольшанскому пришлось вплотную заняться генеалогией, составлением диаграмм родства и генеалогических схем.

Казимир никогда не говорил о стоимости своих исследований, но так как посетители были люди весьма обеспеченные, то и расплачивались они в основном зелеными банкнотами с изображением американских президентов. Суммы эти казались Казимиру, после зарплаты в «Ленинке», просто космическими.

Теперь Казимир смог оплатить врача, который приходил к матери, не говоря уже о бытовых потребностях включая питание. Раз в неделю он вызывал уборщицу, так как Дарья Матвеевна, которая сидела с матерью, в силу возраста, уже не справлялась с их большой квартирой.

Наладив быт, он спокойно погрузился в научную работу.

Однажды в архиве, разбирая рукописи и, как всегда, не замечая никого вокруг, он услышал над ухом тихий голосок:

- Казимир, здравствуй.

Он поднял голову и ахнул.

- Журавушка. Как ты здесь?

Перед ним стояла Маша Журавлева, бывшая его однокурсница. На курсе ее звали «журавушкой». Это прозвище очень подходило ей. Небольшого роста, худенькая, она походила на школьницу.

Маша, все пять лет учебы в институте, была влюблена в Казимира, о чем он даже не догадывался. Она всегда старалась быть рядом с ним, и во время учебы, и на разных студенческих посиделках. И на одной из них, когда все хорошо поднабрались, Казимир неожиданно для себя, взял Машу за маленькую, худую ладошку и повел ее в одну из пустых комнат. Маша не смогла сказать нет герою всех своих девичьих грез. Казимир никогда не относился к ней всерьез. Поначалу он отводил взгляд от нее, а потом и вовсе забыл о случившемся.

И вот теперь она стояла перед ним хлопая своими большими глазами и застенчиво улыбаясь. Как оказалась, она два года назад, всеми правдами и неправдами перевелась в библиотеку имени Ленина обычным библиотекарем в читальный зал, чтобы быть ближе к нему. Каждый день она смотрела как он проходит мимо нее погруженный в свои мысли и ждала. И ей представился шанс.

В отделе Ольшанского освободилось место младшего архивариуса. Кадровики, помня о ее красном дипломе, предложили ей это место.

И теперь она стояла перед Казимиром. И он был рад что, как и раньше, теперь рядом будет такая молчаливая, преданная помощница.

Когда он спрашивал ее как она живет, был ответ:

- Спасибо. Все хорошо.

Большого от нее он добиться не смог. Наступила зима. В этот год погода словно испытывала людей. То наметет сугробы, то растает все до слякоти. И сопровождалось все это постоянными насморками, кашлем и эпидемиями гриппа.

Несколько раз Маша брала больничный по уходу за ребенком. Так Казимир узнал, что живет она вдвоем с сыном. Через месяц работы Маши в отделе, Казимир уже не представлял как раньше он обходился без нее. Маша помнила, где находился каждый документ, с которым он работал. Ну а когда он начал работать с документами по наследству Второва, по поводу которого он имел беседу с Алексеем Васиным, то Маша была просто необходима. И Маша всегда была рядом, до скольких бы он не засиживался в архиве.

Второв

Октябрь 1920 года

Александр Николаевич Второв. Сын богатейшего промышленника, банкира и владельца множества розничных магазинов, паев в крупнейших мануфактурах, предприятий, гостиниц и других заведений Николая Второва, приехал в Крым, после разгрома Добровольческой армии Юга России.

Полковник царской армии, он командовал соединением, которое входило в состав армии генерала Деникина. Александр Второв привез и семью. Жена Елизавета и две дочери гимназистки. Он планировал отплыть из Одессы в Константинополь и далее в Британию, в семейный особняк Второвых.

Разместив семью в гостинице, он первым делом разыскал Верховного главнокомандующего Русской армии в Крыму, барона Петра Николаевича Врангеля. Александр Второв, во время русско-японской войны 1905 года, тогда еще подпоручик, воевал в казачьей сотне, которой командовал поручик Врангель. Много им пришлось пережить вместе. Перед отплытием на чужбину, Второв очень хотел повидать своего друга.

Приехав в резиденцию Главнокомандующего, поднявшись по большой, широкой лестнице особняка, он зашел в приемную и остановился. В глазах зарябило от множества генеральских погон, лампасов и эполет.

- Доложите Главнокомандующему, полковник Александр Николаевич Второв
- Господин полковник, Главнокомандующий никого не принимает. - ответил адъютант.
- Я настаиваю. Петр Николаевич примет меня.

Верховный Главнокомандующий Русской Армией в Крыму, генерал-лейтенант, барон Петр Николаевич Врангель, склонился над большой штабной картой. Увидев вошедшего, широко раскинув руки в стороны пошел к Второву. Они обнялись.

- Очень рад Александр Николаевич, что ты жив. По нынешним временам, это уже немало. – проговорил Врангель.

- Я тоже очень рад тебя видеть в добром здравии, Петр Николаевич. - Второв сел на предложенное ему кресло.

- Как Лиза, как Дочери? – спросил Врангель.
- Все слава Богу. – отвечал Второв
- Слышал про твоего отца – помрачнел Врангель.
- Жаль, такой человек. Ну а как твой брат Андрюша?

Теперь помрачнел Второв.

- Он уже не Андрюша. Андрей Николаевич Второв. Если не сменил фамилию. Бывший капитан, бывшего Генерального штаба, бывшей Российской Империи и ... бывший брат. – тихо добавил он.

- Неужели? – удивленно поднял брови Врангель.
- У нас с ним был разговор. – подавленно проговорил Второв.
- Он сказал, что остается в советской России, что не бросит Родину в такой момент и будет ее защищать от белой армии, от интервентов и если понадобится, то и от меня.

Врангель откинулся на спинку кресла.

- Получается, что теперь у каждого своя Россия. Да, не скоро затянутся раны от этой войны, если вообще это возможно.

После минутного молчания он спросил:

- Как ты здесь? Что собираешься делать?

Второв собрался с мыслями, словно снова переживая недавние события.

- Воевал в Добровольческой армии Деникина, дошли почти до Москвы. Ну а потом, ты наверно слышал. После разгрома, Деникин ушел. Кутепов с остатками армии подался на Кубань. Ну а барон фон Унгерн с его безумными, буддийскими идеями, набрал себе в дивизию бурятов и монголов, двинул их на Улан-Батор, захватил его, освободил из-под стражи монгольского монарха и теперь готовит поход против большевиков.

Ну а я здесь с семьей. Договорился о каюте с одним коммерческим судном, идущим в Константинополь. Ну а теперь, увидев тебя, хочу остаться, если не прогонишь.

Врангель внимательно посмотрел на старого друга.

- Ну что ж, Александр Николаевич, скажу честно. Был бы тебе благодарен. Мало осталось людей, которым я мог бы доверять. Здесь в Крыму, я установил жесткую, военную диктатуру. Много случаев мародерства. Так что вешаю и расстреливаю без жалости. Но обстановка складывается таким образом, что сил для удержания Крыма у нас недостаточно. Главная для нас задача сейчас, вывести все остатки боеспособных сил и погрузить на суда, которые я мобилизовал для нужд армии. Последним от причала отойдет французский крейсер «Вальдек Руссо», который прислало правительство Франции. В залог за оказанную помощь, они берут весь грузовой и пассажирский транспорт, который придет в Константинополь. Вот такие вот союзники. Сегодня я подписал приказ об оставлении Крыма. Через два дня его зачитают войскам и гражданскому населению. Так что, Александр Николаевич, тебе необходимо в ближайшие часы, отправить семью из Крыма.

Второв кивнул головой.

- Скажи, Петр Николаевич, почему все закончилось такой катастрофой?

Врангель встал и подошел к большому окну в своем огромном кабинете.

- Ты знаешь, Александр Николаевич, что я убежденный монархист. Я уверен, что управлять Российской Империей возможно только при монархии. Когда есть один, единственный самодержец, помазанник божий, государь-император. Но в эти тяжелые годы для России, все кто присягал государю на верность все предали его. Государственная Дума, Генеральный штаб, весь государственный аппарат, все. Даже члены царской семьи. Все родственники Романовых просто спрятались за спины своих правительств. А такие страны как Великобритания, Франция и Дания, наотрез отказались принять императора Николая Александровича, так же, как и его семью. Ну а когда четырнадцать государств ввели в Россию свои войска, они заботились только о том, что можно урвать от погибающей империи. Они давно уже поделили Россию.

А я, как ты знаешь, за неделимую Россию. Все наше общество прогнило насквозь. Все, кто должен был заботиться об интересах державы, думали только о себе. Я воюю с большевиками уже три года и должен тебе сказать, что сейчас у них армия не та, что была в семнадцатом.

Второв посмотрел в глаза Врангелю.

- А ты знаешь, что очень многие мои знакомые офицеры, с которыми я учился в академии, а потом служил, ушли к красным. И теперь они воюют против нас. Вот тебе и ответ. А с кем мы остались?

Барону Врангелю оставалось жить восемь лет. 25 апреля 1928 года он умрет от скоротечной чахотки в Бельгии, где и будет захоронен.

Александр Второв вышел из ставки Верховного Главнокомандующего. При себе у него было распоряжение барона Врангеля, дающее ему особые полномочия при эвакуации войск и гражданского населения, вплоть до особых указаний. Сев в предоставленный ему ставкой автомобиль он, помня слова Врангеля, поехал за семьей. Прощание было недолгим. Коммерческое судно «Ариадна», приняв на борт пассажиров взяла курс на Константинополь.

Для полковника Второва дел оказалось много. Необходимо было организовать во всех городах Крыма эвакуацию войск и гражданского населения, оставляющих Крым, жестко пресекая случаи мародерства и паники.

Казачья сотня есаула Никифорова стояла недалеко от одесского причала обеспечивая порядок при эвакуации.

В центре спешившихся казаков, образовавших круг, на земле сидели со связанными сзади руками четверо красноармейцев и один в кожаной тужурке комиссар.

— Это кто ж такие? – спросил подошедший молодой казак у сидевшего на бревнах вахмистра с седыми усами.

- Ахитаторы. Казаков баламутили. – ответил тот.

- А пошто так лается? – кивнул на комиссара молодой казак.

- Нехристь. – отвечал вахмистр.

Слышалось заунывное пение муэдзина на минарете расположенной рядом мечети.

- Да заткните уже глотку этому красному. Мало что поп басурманский воет, так еще и этот матерно ругается. Слышать не можно. – раздалось из толпы стоявших казаков.

Вахмистр встал, глубоко вздохнул, оправил ремень с пристегнутой к нему шашкой.

- А ну, Степка, держи ему ноги. – кивнув на комиссара сказал он молодому казаку.

Прижав комиссара к земле коленом, засунул ему в рот рукоятку нагайки, так чтобы челюсти не сомкнулись и вытащив из-за голенища сапога остро заточенный нож, крутанул им во рту комиссара и через секунду на землю полетел отрезанный язык.

- Теперь поагитировай антихрист. – пробормотал вахмистр.

Гомонившие казаки притихли.

- Ну ты, Антип, скор на расправу. – сказал кто то из казаков.

- Все одно их в расход. – произнес вахмистр.

- А коли нет? – спросил кто-то

- Так что, их с собой в туретчину тащить? Самим бы поместиться. – пробормотал вахмистр.

Комиссар безостановочно выл, катаясь по земле. Из рта хлестала кровь.

На причал въехал автомобиль. Из автомобиля вышел полковник Второв.

- Что у вас? – спросил у подбежавшего с докладом есаула.

- Господин полковник, ночью арестовали агитаторов большевиков. – доложил есаул.

- Допросили? – спросил Второв.

- Молчат. – ответил есаул.

- Расстрелять. – приказал Второв и повернувшись сел в машину.

Есаул оглянулся на стоящего недалеко вахмистра.

- Слышал? – спросил есаул.

- Исполняй.

Вахмистр подошел к казакам своей сотни и приказал:

- Вон к тем кустикам.

Казаки подвели к рядом стоящим кустам пленных. Медленно, нехотя снимали винтовки с плеча.

- Не надоть. Ужо я сам. – проговорил вахмистр.

И в пять взмахов казачьей шашки довершил дело. На земле остались лежать пять разрубленных тел из которых толчками вытекала кровь.

Вот уже три часа, сотня есаула Никифорова сдерживала натиск Красной Армии пытавшейся сбросить в море с одесской набережной остатки белогвардейцев.

Полковник Второв руководил размещением последней партии пассажиров и ожидал с минуты на минуту, когда подвезут оставшиеся штабные документы, которые никак нельзя было оставлять красным.

Неожиданно на причал, почти к самому трапу выскочила конница красных казаков.

Впереди всех на белом жеребце несся казак в кубанке, перевязанной лентой красного кумача.

Сотня есаула Никифорова, охранявшая подступы к трапу, кинулась в бой, началась яростная рубка. В воздухе мелькали шашки, раздавалось ржание коней и стоны зарубленных.

Вахмистр, выбив в схватке из рук красного казака шашку, рубанул сверху, привстав на стременах и раскроил голову врага. Разворачивая коня, вахмистр увидел стоящего перед ним на белом жеребце казака и уже занесшего для удара над головой шашку. По глазам вахмистра было видно, что он узнал казака и на миг опустил свою шашку. Этого было достаточно, чтобы казак нанес длинный, страшный по силе, рубящий удар.

Вахмистр, разрубленный от ключицы почти до пояса, медленно сползал с коня. Левая его рука все еще сжимала поводья, правая же часть тела уже почти коснулась земли. Схватка, кипевшая минуту назад так яростно, затихла.

Оставшиеся в живых казаки сотни есаула Никифорова побросав коней бежали по трапу на борт корабля. Последним из бежавших был полковник Второв.

Казак на белом жеребце подскакав к трапу, соскочил на землю. Сдернув с плеча винтовку, упал на колено, поймал упор локтя прицелился в светло серую офицерскую шинель.

- Эт-ты погодь, ваше благородь, шалишь. – проговорил он.

Грянул выстрел. Второв, не добежав до борта десять метров остановился, попытался обернуться, но тело уже не слушалось его. Свалившись кулем в темную, морскую воду, его губы с последним выдохом прошептали:

- Лиза

Душа раба божьего Александра отлетела, махнув на прощание своему временному, бременному телу.

Господь пожалел Александра Второва. Он так и не узнал, что судно «Ариадна», где были его жена и дочери, при обстреле получив пробоины с обоих бортов затонуло, оставив на поверхности большое, масляное пятно и плававшие и никому уже не нужные чемоданы. Вскоре исчезли и они.

Казак, застреливший Второва медленно подошел к зарубленному им вахмистру.

- Ну вот Антип, кум мой любезный, как пришлось свидеться. – он вытащил ногу вахмистра из застрявшего стремени стоящего рядом коня.

- Прощевай Антип. - сказал он, беря под узду своего белого жеребца.

- Не с теми ты пошел Антип, не с теми. – бормотал он, ведя за собой своего жеребца.

Листая архивные документы, Казимир не мог знать всего, что случилось с Александром Николаевичем Второвым. Было ясно одно. Ни в Константинополе, ни тем более в Великобри-

тании ни он ни его семья так и не появились. Никаких упоминаний об Александре Второве в документах больше не было. Единственным из семьи Второвых оставался только младший брат Александра, Андрей, являвшийся, если верить документам и метрикам предоставленным недавним посетителем Ольшанского, Алексеем Ивановичем Васиным, его родным дедом по материнской линии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.